

АНДРЕЙ ЗВОНКОВ

Когда спящий проснется

Медики шутят

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Звонков

**Когда спящий проснется.
Медики шутят**

«Автор»

2022

Звонков А.

Когда спящий проснется. Медики шутят / А. Звонков —
«Автор», 2022

Юмор — это лекарство. Известно, что смех лечит. Как любое лекарство, медицинский юмор имеет показания, противопоказания и побочные действия. Книга не является средством по самолечению, а всего лишь сборник медицинских баек. Что-то автор видел сам, что-то ему рассказали друзья. Внимательно отнеситесь к предисловию. И не менее внимательно к заключению. Книга выходила в 2019 году под названием «Скорая помощь. Душевные истории», но попала под пандемию. Данное издание сборника 2-е, переработанное и дополненное. Текст не содержит, холестерина, ГМО, лактозы и глютена, изготовлен по ГОСТу.

© Звонков А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

БИБЛИОГРАФИЯ	5
ЧАСТЬ 1 «ВОДКУ МЫ ПЬЕМ ДЛЯ ЗАПАХА»!	6
ДВОЕ ИЗ ЛАРЦА	6
СИНДРОМ НАЧАЛЬНИКА	12
ДА БУДЕТ СВЕТ!	14
(рассказ хирурга из спецтравмы)	14
КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ	21
ВОЯЖ, ВОЯЖ...	26
ШАМАНЫ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Андрей Звонков

Когда спящий проснется. Медики шутят

БИБЛИОГРАФИЯ

ВОРОЖЕЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АТРЕЛЛЫ
Я ОСТАЮСЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ!
АНАЛИЗЫ
ПОКА ЕДЕТ СКОРАЯ
НИКТО, КРОМЕ ВАС
НЕ ВРЕМЯ УМИРАТЬ
ЧУМНОЙ ПОЕЗД
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ
КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ
ГЕРОЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ. ФАТАЛИСТ XX
ПРОЕКТ А.К.С.О.Н.
КРОВАВЫЙ КОКТЕЙЛЬ
ПОКА ЕДЕТ СКОРАЯ 2-е издание

– Доктор, чем вы глистов лечите?
– А они у меня не болят.
(медицинский юмор)

ЧАСТЬ 1 «ВОДКУ МЫ ПЬЕМ ДЛЯ ЗАПАХА»!

ДВОЕ ИЗ ЛАРЦА

Как многие мужчины маленького роста Сергей Александрович Патрацкий чрезвычайно самолюбив и амбициозен. Прозвище у Сергея Александровича – Наполеон. Рост его не выше метра шестидесяти, а любимое выражение, когда общался с подчиненными по бригаде: «Я – врач! А вы – фельдшер». Вроде – всяк сверчок, знай свой шесток.

Но все по инструкции из «Должностных обязанностей сотрудников Станции Скорой и Неотложной Медицинской Помощи г. Москвы».

Конфликтность Наполеона – эталон для медицинского психолога. Скандалить доктор начинал с первого слова общения. Особенно, если напарник или напарница хоть на сантиметр оказывался выше его лысеющей, покрытой редким седым волосом макушки. Патрацкому, несмотря на рост, удавалось как-то «смотреть свысока» даже на гигантов.

Среди ста шестидесяти сотрудников на подстанции работали два друга-фельдшера Саня Купцов и Гоша Короедов, которых за глаза называли «Двое-из-ларца».

Патрацкий устроился на скорую еще в начале 70-х, а эта парочка пришла в конце 78-го сразу после демобилизации из армии. Оба служили в десанте и легко нашли общий язык.

Двухметровые фельдшера – большие любители пива и молоденьких фельдшериц, жизнерадостные флегматики. На их гранитной безмятежности лицах не отражалось иных эмоций, кроме радостного ощущения легкости жизни. Глядя на них, читатель может припомнить изречение Эразма Роттердамского из повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу»: «Счастливей всех шуты, дураки, сущеглупые и нерадивые, ибо укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнь грядущих бедствий не терзаются, надеждой будущих благ не обольщаются.»

«Двое из ларца» действительно были счастливы всегда. Пока не поработали с Наполеоном.

О Патрацком они знали теоретически. Виделись. Здоровались. Но работать вместе им не доводилось.

И вот, однажды, бригада сложилась волею старшего фельдшера – Наполеон и Двое-из-ларца. Три мужика, а с водителем – четыре! Факт невероятный и крайне редкий.

Что должны были натворить Саша с Гошей, чтобы начальство, презрев все доводы рассудка и непременную объективность того, что всякая женщина медик, по возможности должна работать вместе медиком-мужчиной – вдруг объединить в одной бригаде сразу трех мужчин? Полагаю, что-то очень серьезное. Достаточно серьезное, чтобы не простить, но недостаточно, чтобы уволить.

Надо сказать, что увидав себя в подчинении у Патрацкого, Двое-из-ларца вломились к старшему фельдшеру и принялись каяться и умолять избавить от этого дежурства. Они обещали, что больше никогда и предлагали выкрасить забор, или еще как-то бескорыстно отработать. И старший фельдшер, назначивший друзей в бригаду к Патрацкому, сжалился:

– Оработаете сутки, а там посмотрим.

Осчастливленные Двое-из-ларца вышли из кабинета, уверенные, что уж сутки они выдержат. Это ничего. Это можно потерпеть.

Наивные.

Чтобы довести напарника до истерики Патрацкому хватало и часа.

Он наслаждался властью, не стесняясь, откровенно и злобно, не уставая демонстрировать свое превосходство над «тупыми санитарями» на каждом вызове, намеренно ставя фельдшеров в дурацкое положение и высмеивая перед пациентами и родственниками.

– Сколько раз вам можно говорить, – возмущался Наполеон, – что носилки надо брать на вызов сразу, а не бегать за ними потом! Мы теряем драгоценные минуты!

Пока Двое-из-ларца вдвоем перли больного по лестнице, Патрацкий, обмахиваясь карточкой, шел впереди как «Чапаев на лихом коне» и гундел, что таким долдонам даже носилки нельзя доверять, если на них лежит больной, а не гряда кирпича. Потому что непременно уронят и еще что-нибудь сломают!

Чего скрывать, что родственники и пациенты непременно соглашались с доктором, сочувствовали ему и строго смотрели на фельдшеров, которых принимали за туповатых санитаров.

В течение дня в бригаде зрел конфликт. Все чаще раздавалось Наполеоново:

– Я – врач! А вы – фельдшера! Делайте, как я сказал!

Двое-из-ларца, которым амбиции доктора типа «замесить и нарубить!» уже в печенках засели, мечтали только об одном, дожидаться вечера и, в пересменок разлететься по другим бригадам. Однако, в шесть вечера один другому трагически сообщил,

– Мы с ним будем до утра.

У доктора Патрацкого была еще одна скверная особенность – двигательный невроз. Сидя на стуле, он постоянно подпрыгивал, перебирал руками пуговицы на халате, трогал нос, сделав пальцы граблями, приглаживал остатки волос, смотрел на часы, сплевывал, шмыгал носом, хмыкал, подмигивал и, обращаясь к собеседнику, тыкал ему пальцем в грудь. А когда злился, бил кулаком в мебель. Чем сильнее уставал доктор, чем больше всяких хаотичных движений совершал. Не двигался он только когда спал, хотя, как мне рассказывали, носом он шевелил даже во сне.

Весь день Купцов и Короедов мечтали завалить к бочке с квасом, однако, когда один предложил тормознуть и выпить по кружечке, возвращаясь с вызова на подстанцию, а второй поддержал – гадкий Наполеон отрезал:

– Не положено! Завтра напьетесь! Привыкайте терпеть!

И ребятам ничего не оставалось, как терпеть до конца дежурства.

Они по очереди вскипали и успокаивали друг друга. Аргумент был веский – убить доктора нельзя, он вписан в бригаду, а с калекой работать трудно. Вот и приходилось терпеть.

В четыре утра, пришел вызов – «белая горячка» с большущим знаком вопроса. Оно может быть, кому-нибудь и покажется странным, но если звонят на 03, то выезжает обычная бригада скорой, а потом уже на себя вызывает психиатров.

Если сами справиться не могут.

Диспетчер, недолго думая, поднимает бригаду Наполеона. Не посылать же девчонок к психу?

На квартире перепуганная женщина и ее небритый запойный муж, словивший «белочку» и гонявшийся за ней с ножкой от стола, видимо, принимая за главную ведьму, напустившую на него чертей и вызвавшую страшные голоса в разгоряченном мозгу.

«Белая горячка» – алкогольный психоз с галлюцинациями. Развивается волнами, то обостряясь до истинного безумия, то сменяясь относительными «просветлениями» в сознании и включением критического отношения запойного к своему состоянию.

Когда приехала бригада скорой, мужик успокоился и, присев в коридоре у двери, принялся доставать изо рта что-то длинное, похожее на проволоку, себе задавая вопросы и отвечая на них. Женщина сидела в ванной и вышла, когда прибыла бригада, а детей она отправила к соседям еще вечером.

Не особенно задумываясь, как это выглядит со стороны, Патрацкий почесал голову, взбив на макушке остатки волос, дернул плечом, шумно выдохнул через нос и тоже залез в рот, вспомнив, что еще с ужина между зубами, где-то в глубине застрял рубленый бифштекс с яйцом...

Мужик в горячке почувал в докторе своего и доверительно спросил:

– Ты их тоже видишь?

– Кого? – спросил доктор, нервно озираясь. Пока Двое-из-ларца примеривались, как надо мужика вязать.

– Червяков, – ответил мужик, «доставая» очередного «нематода» изо рта и внимательно рассматривая.

– Конечно, вижу. – Не стал переубеждать больного опытный доктор. – Ишь, как извивается, зараза!

Женщина с ужасом смотрела на чудного доктора, сопоставляя его с мужем.

Откуда ей было знать, что с психами спорить нельзя!

Патрацкий забежал кругами по комнате, при этом он крепко чесал голову, оставляя ногтями на лысине багровые полосы, подлетел к «трехногому» столу, припертому к стене и комоду, стукнул кулаком и сказал, как можно убедительнее:

– Мужчина! Надо срочно ехать в больницу. Червяков могут вывести только там!

Мужик не возражал. Женщина тоже.

«Светлое окно» проявило себя – понимание возобладало над галлюцинациями, потому запойный без всяких споров побрел к машине, по пути смахивая с головы «тараканов» и отплевываясь «червяками». В машине Патрацкий усадил больного в салон рафика, туда же загрузились на привычные места Саша с Гошей. А сам доктор устроился рядом с водителем, чтобы показывать дорогу в психоприемник на Потешной улице, куда обычно и отвозили алкашей еще задолго до Ивана Бездомного.

Патрацкий был уверен, что водители все тупые, города не знают и им обязательно надо показывать маршрут. Поэтому водители его тоже ненавидели. А кому понравится, когда тебе под руку постоянно говорят:

«Притормаживай, прибавь газу, направо, налево, перестраивайся, вон знак. Куда ты гонишь? Подуди ему! Включи сирену! Обгоняй, обгоняй»!

Сядь, Патрацкий все тем же начальственным голосом дал указание фельдшерам:

– Сопроводительный лист оформите!

Сопроводительные листы или сопроводки, которые в те времена валялись везде и в кухне вместо подкладки под горячий чайник, и в туалете, и в водительской комнате, для записи счета при игре в домино, лежали у фельдшеров во всех карманах...

Неизвестно, кто это сделал, ясно только, что кто-то из них написал одну сопроводилку на больного, а другой – на доктора, в примечании которой в творческом порыве добавил, «больной в халате самовольно сел в машину 03 и выдает себя за врача».

В приемное отделение Патрацкий вбежал, оставив запойного мужика с фельдшерами. Зачем-то потрогал и раскидал журналы, лежащие на столах, несколько раз хлопнул дверью, убедившись, что спец-замок не сломался, а заклинен нарочно, и налетел на дежурную медсестру, которая пришла выяснить – что там за шум в приемном?

– Где врач? Мы больного привезли! – медсестра хлопала глазами, зевала, а доктор Наполеон, не получив ответа, выскочил в длинный коридор, чем совершил непростительную, можно сказать – роковую ошибку.

Коридор психоприемника – это сакральное место, куда больному можно пройти только в сопровождении санитаря, только в одном направлении в сторону палат. А вот так бегать, да еще и кричать, размахивая руками – запрещено, потому что такое поведение работников психиатрической службы отвлекает от дела и злит.

Купцов с Короедовым, которые отлично помнили все правила поведения в психушке, придерживали под руки мужика с «белочкой», двери в коридор не касались. Они остановились в смотровом кабинете психиатра, и терпеливо ждали, пока их примут.

Обе сопроводилки они положили на стол.

Патрацкий, который помчался по коридору, выкрикивая «Где врач?», вернулся, так и не найдя никого. То ли от усталости старый скоропомощник забыл правила, то ли наплевал на них, не знаю. Он еще несколько раз выскакивал в коридор, кричал: «Кто-нибудь, примите больного!»

Наконец явился одуревший от безумных суток, сверкающий исцарапанной лысиной и добролюбовскими очками в железной оправе, психиатр.

Он подошел к столу, взял верхний сопроводок, прочитал и спросил, зевая:

– Патрацкий, кто? – он вопрошающе поглядел на двух из ларца.

Влетевший в смотровой кабинет следом за психиатром и успевший проверить все незапертые комнаты, Наполеон, плечом саданул шкаф и, долбанув по обидевшей его дверце кулаком, сказал:

– Ну – я! Я – врач Патрацкий!

– И давно он с вами? – спросил психиатр, обращаясь к стоящим фельдшерам.

– С утра, – предельно честно ответили Двое-из-ларца.

Патрацкий, не придавший значения этому диалогу, поскреб затылок, а потом, больно тыкая пальцем в грудь психиатра, сказал:

– Мы больного привезли. У него – белая горячка. Вы понимаете? Принимайте его скорее! И мы поехали! Нас ждут больные люди! – Патрацкий умолчал, что больше всего надеется хоть часик подремать на подстанции.

Психиатр поглядел на Наполеона и, с его сопроводилкой в руках, молча вышел.

Спустя пару минут, в смотровую, хрустя суставами и зевая, вошли два здоровенных санитаря, которые спросили:

– Кто, Патрацкий?

– Я – Патрацкий! – немедленно отозвался Наполеон.

– Пошли! – пригласили санитары.

– Пошли, – согласился он. Но на всякий случай добавил, – Я – врач!

– Да, мы знаем, – ответили «братья-санитары», и доктор, совершенно успокоившись, и ничего не подозревая, пошел с ними.

В санитарной комнате парни ловко вытряхнули врача скорой помощи из халата и одежды, оставив в одних трусах, потом также ловко напялили на него лиловую байковую пижаму без воротника и карманов с растянутой резинкой на штанах, так что они спадали при каждом шаге. Потом санитары завели доктора в отделение, где в палатах без дверей и с решетками на окнах пытались спать еще с полсотни различных психов, принятых днем и ожидающих подробного осмотра и сортировки по отделениям.

– Вон свободная койка, ложитесь.

Вот только тогда Патрацкий понял, что попался.

Он рванул к двери, но не тут-то было. Открывалась она специальным ключом, и этот замок работал отлично.

Доктор поскребся, поорал, что он – врач! Ему ответили, что это всем известно и, в конце концов, когда впрыснули в ягодицу аминазину, он подергался и затих.

А Двое-из-ларца тем временем сдали мужика в горячке, спокойно доработали смену до восьми утра и, с чувством выполненного долга, уйдя с подстанции, завернули до ближайшей пивной.

Доктора Патрацкого хватились только через два дня, когда он не вышел на работу. Дома его тоже не было. А на вопрос, – где он может быть? Короедов, задумчиво глядя на Купцова, сказал,

– В психушке, наверное? Где ж еще?

Обалдевший от такой наглости, и, к счастью, воспринявший реплику Короедова всерьез, старший фельдшер стал обзванивать психбольницы и в самом деле нашел Патрацкого в больнице Ганнушкина. Он бы, может быть, на этом успокоился, мало ли врачей с ума сходит на скорой помощи? Если бы Короедов не добавил, уходя:

– Значит, где оставили, там и лежит?

– То есть как это «где оставили»?

И тут Короедов, конечно, рассчитывая на понимание начальства, сознался, что они уложили Наполеона в психушку. Как бы случайно. Пошутили. Заполнили сопроводилку, а психиатр в приемнике все принял за чистую монету и оформил доктора как буйного шизофреника. Купцов первым понял, что земля под их ногами загорелась, понимания не дожидаясь, и успел добавить:

– Все-таки, мы фельдшера всего-навсего, а там врачи! Им-то оно виднее!

Зав подстанцией помчался в больницу выручать доктора.

Перепуганный психиатр, понявший, как его подставили, уперся.

– Патрацкий – болен! Он социально опасен! Он чрезвычайно агрессивен! Он чешется и кричит! Правда сейчас уже тише и меньше.

Завподстанцией убеждал, что невроз, которым страдает врач скорой помощи не психическое заболевание, в психушке лечиться нет необходимости! Что любой, окажись в подобной ситуации – станет агрессивен и будет кричать! А чесаться – не преступление. Мало ли людей чешется? Всем психушка нужна?

Зав старался убедить психиатра, что Патрацкий в быту и на работе – душка, лапочка и пушистый зайчик, что его обожает и в нем души не чает вся подстанция! О чем недвусмысленно сообщает его, заведующего, визит и текущая беседа. Ведь, окажись Сергей Александрович на самом деле таким, каким его описывают психиатры – разве б стал он – заведующий, приезжать и пытаться забрать больного? Настоящему психу и место в психушке!

Надо сказать, красноречие заведующего не прошло мимо ушей психиатра, который поломался для приличия, но уже понимал, что если тихо не избавится от беспокойного невротика – скандала не удержать в границах больницы. А это непременный и весьма болезненный удар по репутации отделения и всей клиники.

Так что заведующий, в конце концов, отстоял своего незаменимого и очень хорошего сотрудника, которого обожает вся подстанция.

Вялого, сонного Патрацкого, с насыщенной аминазином задницей отвезли домой отсыпаться. А зав вернулся на подстанцию разбираться с хулиганами.

Однако, что кривить душой, рука не поднималась написать заявление в милицию. Вот уж кого действительно и ценили и любили. Ребята-то золотые. На все руки от скуки. Да и юрист по телефону объяснил, что заявление подать может только сам пострадавший, а он сейчас никакой – отлеживается дома. В общем, по началу, обошлись словесной выволочкой в кабинете заведующего. Потом, к концу недели явился присмиривший, задумчивый Патрацкий и сообщил, что: « Он ничего писать не будет, пусть они извинятся!».

Главное условие:

– Только пусть извинятся перед всеми на утренней конференции –пятиминутке.

Ну что ж, они извинились.

Когда доктор нашел в себе силы выйти на дежурство, фельдшера вышли и, потупив глаза долу, произнесли вразнобой:

– Простите нас Сергей Александрович. Мы были не правы.

Патрацкий, еще не отошедший от аминазина, принял извинение. Он зевнул, погрозил им пальцем и сказал:

– Вот это правильно. Не забывайте, что вы – фельдшера, а я – врач!

Что удивительно, на аминазине его невроз прошел. Правда, ненадолго.

Прошло еще недели две, и все вернулось на круги своя. Патрацкий опять бегал и чесался, кричал, что он врач и не позволит... а Двое-из-ларца, выкрасившие и забор и фасад и перебившие крышу на подстанции, уже работали в другую смену, но всегда на разных бригадах.

Я появился на подстанции за пару месяцев до ухода доктора Наполеона на пенсию и не испытал «удовольствия» работать с ним. Мы виделись по утрам, когда приходили или уходили с дежурства, здоровались.

А вот Гошу с Сашей я знал весьма неплохо. Они оба поступили в мединституты и уже в перестроечные годы работали в московских больницах врачами. Один реаниматолог, другой то ли хирург, то ли уролог... потом их следы пропали.

О той истории они никогда не вспоминали и сами ее не рассказывали. Откуда я узнал? А как вы думаете? Ведь в ней был и еще один участник – водитель. Вот он-то мне и рассказал. Но, я не очень ему поверил. Мало ли баек и побасенок рассказывалось? Всем верить, веры не хватит.

В конце 90-х я однажды по работе приехал для встречи с заместителем главного врача психиатрической больницы на Потешной улице. Руководство поручило заключить договор о сотрудничестве наших клиник и нужно было утрясти некоторые организационные вопросы к договору.

Мы обсудили все необходимые темы, и, закрепляя соглашение, разлили по 50 мл психиатрического коньяка.

Чтобы о поддержать разговор, я припомнил эту историю, завершив ее словами: «хотите верить, хотите нет».

На что психиатр, доктор наук, хлопнул пятьдесят граммов коньяка, улыбнулся и произнес.

– А ведь это я его тогда положил.

СИНДРОМ НАЧАЛЬНИКА

Работал я в наркологической больнице. И дело было еще в советское время, но уже на границе. Летом, прямо перед самым ГКЧП.

На прием приходит мужчина в темных очках.

Шел он, чеканя шаг, по прямой, старательно, будто нес переходящее красное знамя. Судя по аромату, исходящему от него, дядя пребывал явно в многосуточном запое, но дошел сам.

Дошел, увидел стул и сел.

Сидит, руки на коленях.

Смотрим мы друг на друга.

Я жду, что он скажет? Задавать вопросы не спешу. Пусть первым начнет. Попросит помочь, откроет душу.

Однако он молчит. Проходят пять минут, семь... молчит!

Пытаюсь понять, чего он хочет, но он молчит. За очками глаз не видно. Я тоже молчу. Тут как в игре – кто первым рот откроет, тот и проиграл!

И вот, наконец, он произносит:

– Явасслушаю!

Я выхожу из изумления и отвечаю:

– Это я вас слушаю! Что случилось?

Он опять молчит. Пауза тянется, и странный посетитель произносит тем же тоном с металлическим дребезгом:

– Меня зовут Николай Егорович!

– Очень приятно, – представляюсь и спрашиваю, – Что вас беспокоит, Николай Егорович?

Через несколько минут очередной вопрос:

– Вы – врач? – спрашивает он.

– Да, я – врач. Расскажите, что с вами случилось? – меня уже начинает забавлять этот разговор. «Я слышал, с каким скрипом поворачиваются шестерни в его голове», – не помню, где я вычитал эту фразу, но она идеально подходила к ситуации.

– Ничего не случилось, с чего вы взяли? – он продолжает говорить голосом автомата из телефона: «Московское время – тринадцать часов!», – Вам должны были звонить!

Припоминаю, что утром был звонок. И вроде женщина сказала, что она секретарь «Николая Егоровича». Знать бы еще кто это? И вот он пришел.

Вел он себя для начальника естественно. То есть все время сбивался на мысль, что это не он пришел ко мне, а я к нему. И не ему надо выйти из запоя, а мне чего-то нужно от него.

Кое-как мы пробились через дебри его номенклатурной сущности и выяснили, что пьет он давно. Не вообще давно, этот период его жизни затерялся в веках, а сейчас давно – около месяца, каждый день, но очень хорошие напитки и примерно по бутылке в день.

Я не сомневался в этом, глядя на его золотой «Ориент» на запястье и затемненные очки-телевизоры в оправе Ланвин. Вряд ли этот товарищ начнет хлебать портвейн 777, «Солнцедар» или «Искру», которую мы в школьной юности называли «чернилами». Его печень была приучена в худшем случае к РедЛейбл и Джонни Вокер, а в лучшем к Хенесси XO или VSOP.

Николай Егорович периодически впадал в ступор, а выходя, начинал беседу сакраментально: «Яваззлужаю!», потом что-то в голове его переключалось, и он продолжал отвечать на мои вопросы.

Сейчас, вспоминая ту сцену, я понял: Точно так же, тем же голосом попрощался с народом первый президент России: «Я устал, я – мухо-жук». Характерная речь хронического алко-

голика с тяжелейшей энцефалопатией. Полное отсутствие эмоций и слова, которые произносились с большим трудом с этим выраженным гнусавым оттенком.

ДА БУДЕТ СВЕТ!

(рассказ хирурга из спецтравмы)

О том, что медики крутят шашни на работе, ни для кого не секрет. Все свои, чего тут стесняться? А с другой стороны, работа есть работа. Когда находить время на внеслужебные отношения, если пациенты валят один за другим?

Значит, выход один – не отходя, так сказать, от станка. Как Юлий Цезарь. Ногой непрямой массаж сердца, левой рукой шприцом в вену, правой медсестру за талию... и работаем!

Дело было давно, в советское время. Когда к людям относились добрее, когда пьяных собирали по аллеям и подъездам и свозили, кого в вытрезвитель, кого в больничку, ибо у пьяных частенько имелись травмы разных частей тела.

У нас спецтравма была особнячком пристроена к общему хирургическому корпусу. Чтобы обычных людей не тревожить пьяными криками. Идти к нам от административного здания по улице через парк несложно. А вот подземным ходом – можно и заблукать, если не знать, где вовремя свернуть в полутемном кафельном коридоре.

В начале шестидесятых эта больница попала в программу ГрОб Минобороны СССР, и нам выкопали шикарнейшее бомбоубежище, в которое можно в случае атомной бомбардировки спустить все отделения, развернуть операционные и еще из пары соседних больниц людей привезти. Позаботились даже о спецтравме, сделали и в нее выход из широченного тоннеля, проложенного на глубине метров десяти.

В спецтравме работает своя бригада хирургов. Сутками. Отдежурил, смену сдал, баиньки... через двое – трое суток – опять.

А вот анестезиологи менялись. Там у них по жребью что-ли, кому выпадет.

Вообще у них отношение к спецтравме было весьма своеобразное. Сложных больных там практически не было, поэтому анестезиологи баклуши били, сидит такой дежурянт в операционной, маску ниже носа на подбородок свесит и в полоток поплевывает.

А некоторые со скуки пялятся на операционную медсестру.

Надо сказать, девочка упакована, как и положено. Одни глаза над маской да попа с ножками. Ножки зато – что надо! В белый гольфиках с розовыми пятками, просвечивающими сквозь тонкий нейлон. Ходячий тест на скрытую педофилию. Но им, анестезиологам, видимо и этого хватало. Смотрели на это чудо природы как на запретный плод, исходили слюнями, но руками не трогали, знали, может и зажим в глаз воткнуть, если лишнего позволишь.

Но было у этой девочки слабое место в броневой защите ее морального статуса. Шоколадные конфеты со сливочной помадкой. Хранила она эту тайну, как тамплиеры места своих сокровищ.

Один из анестезиологов запал на сестричку и не знаю, как он там, в своем отделении, договорился, но дежурил в ее смену целый месяц. Чего только не делал. И комплементы отпускал, и на чай зазывал... и смотрел томно, и вздыхал, и провожал после дежурства. Девчонка – кремь. На работе – ничего кроме работы. А что после работы? Судя по тому, что анестезиолог не успокаивался, и после работы – скала.

И вот очередные сутки. День прошел спокойно. Выписали ночных. Ждут вечера. После шести-семи начался поток. Отделение на тридцать коек. В приемном два милиционера. Спорые ребята. Принимают, раздевают, сортируют, оформляют – кладут.

Кого нужно зашивать, того к стенке в трусах на топчанчик.

Чтобы не путаться, они номер каждому на плече ручкой ставят.

Одним из первых доставляют мужичка сильно побитого. Весь в рваных ранах. Все поверхностное и не особо страшное, но если не промыть и не зашить – потом будет плохо. Раны нагноятся, кожа срастется грубо.

Берут его на стол. Хирург милицию предупредил:

– Дело не быстрое. Наберитесь терпения. Если еще кто будет серьезный, пусть вызывают из отделения второго хирурга на помощь.

Анестезиолог присел на стульчик в изголовье операционного стола. Видимо он тоже уже принял немножко. Но в тонусе.

Хирург шьет, медсестра инструменты подает, да иголки заряжает шовным материалом. Шум только от больного. Матерится, гадюка. А в операционной правило – материться можно только хирургу.

Анестезиолог нарушение моральной атмосферы терпел недолго. Ему, видишь ли, матюки больного настроение лирическое сбивают. Вот он и говорит хирургу:

– А чего ты его не обезболишь?

– Добро переводить. Он и так упит до наркоза почти. Потерпит!

Анестезиолог поднялся и наклонился над пьяным.

– Родная душа, тебе доктор делает бо-бо?

Пьяный всхлипнул.

– Сейчас я тебе масочку дам, и будет хорошо.

– Совсем сдурел? – хирург не отвлекается от шитья, но понимает, что если на спирт в мозгу алкаша наложится закись азота, начнется концерт по заявкам с галлюцинациями и беганьем по операционной. – Не смей!

Анестезиолог разматывает провода на аппарате РО-6 и идет с вилкой к розетке.

– Не ссы в компот, там ягодки! Все будет – лиге артис! От кислорода еще никому плохо не было кроме водолазов. – Он оборачивается к пьяному на операционном столе. – Мужик! Ты не водолаз?

– Нет, – бубнит из-под маски пьяный, – я токарь!

– Вот и хорошо.

Анестезиолог вставляет в розетку вилку питания наркозного аппарата.

Искры! В операционной гаснет свет.

Больной под маской начинает хохотать.

Медсестра замирает, будто ее тоже выключили.

Анестезиолог в темноте крадется к выходу из операционной. По пути он натывается на медсестру, ощупывает ее.

– Что вы делаете, доктор?

– Ищу дорогу!

– Вы ошиблись, идите левее.

– Вредитель! – орет хирург, – ты куда собрался? Нашкодил и тикать?

– Электрика вызову!

– Без тебя вызовут. Бери фонарь и свети в рану!

Анестезиолог продолжает ощупывать медсестру в темноте.

– И левее могу и правее и по центру.

– Что ты там залип, – орет хирург.

– Он меня трогает за ногу!

– Кто?! – в два голоса спрашивают врачи.

– Больной!

– Вот подлец! – хирург поднимает руки над операционным полем. – Эй ты! Отпусти сестру и дай ему в морду! А то у меня руки чистые! Я не могу!

Анестезиолог нехотя отпускает медсестру, и обходит стол.

- Я в темноте не вижу куда бить.
- Не бейте! – бубнит из-под маски алкаш, – у меня рука свалилась просто.
- Ничего себе – просто! – возмутилась медсестра, – щупал там.
- Надо, надо ему в морду! – приплясывает хирург. – Я его тут шью, а он руки распускает!?
- Кто посветит? – анестезиолог обошел стол, – я не вижу, куда бить.
- Только смотри, в глаз бей! Окулист сегодня есть, а челюстно-лицевого хирурга нет.
- Санитарку позови! Где она? Когда не надо толчется в операционной, а как нужна – нет ее!
- Здесь я. Я в уголке стою, чтоб в чистую зону не зайти. – Ворчит санитарка, – вам бы только ругаться!
- Иди, встань позади сестры и свети в рану! Надо его дошить скорее. – Хирург ворчит, – Вот урод!
- Так я не понял, бить или не бить? – недоумевает анестезиолог.
- Вы прямо, как Гамлет! – подал голос алкаш. – Не бейте, я больше не буду.
- Втянул щупальца, осминог? – спросил хирург, приступая опять к шитью. – А то перчатки поменять недолго! Взяли моду – медсестру мою щупать! Заведи свою и щупай!
- Пойду, позвоню «детям подземелья», потороплю электрика, – анестезиолог еще раз прошел мимо медсестры и опять ее пощупал.
- Доктор!
- Ухожу, ухожу...
- Только недолго! – подает голос санитарка, – фонарь тяжелый!
- Мухой обернусь.
- В приемном отделении столпотворение. Работают при свечах. Обстановка очень романтическая.
- Бригады скорой заходят одна за другой. Кто приводит пьяных с синяками и ранами, кто заносит, кто затаскивает. Контингент самый разный.
- Есть интеллигентные мужчины, есть настоящие бомжи, грязные и вонючие. Всех раздевают, метят ручкой и вталкивают в большую палату.
- Пьяные, если не спят и в состоянии разговаривать, отвечают на вопросы, просят отпустить. Но их не слушают. Конвейер в работе. Милиционеры Сережа и Валера работают очень быстро и ловко. Один заполняет документацию, другой раздевает, метит и вталкивает.
- Анестезиолог застыл в дверях, наблюдает романтическую картину.
- Электрику звонили?
- Звонили, полчаса назад.
- Что сказали?
- Сказали, вышел. Но...
- Что?
- Он первый день сегодня дежурит. Только что устроился на работу!
- И что?
- Он пошел через подвал.
- Трындец! Самоубийца! – анестезиолог сел к телефону. – Але! Дежурные диверсанты? Это из карательных органов звонят! Где электрик, уроды моральные!? Тут операцию как во время войны при свечах делают! Каким автоматом? – Анестезиолог прикрыл трубку ладонью, – Говорят надо автоматом щелкнуть. У вас есть автомат?
- У нас и пистолетов нет, – отозвался один из милиционеров. – Нам не положено, мы убиваем – взглядом!
- Шутники.
- Из операционной доносится вопль пьяного больного.
- Все замирают и прислушиваются.
- Что там?

- Что, что, шьют на ощупь по живому!
- Так темно же!
- Вы не цените мастера, с которым работаете, он же виртуоз! Ювелир! Он оперировать может вообще с завязанными глазами! – анестезиолога понесло как Остапа Бендера,
  - В пальцах умелых мелькает игла*
  - Ровная строчка на тело легла*
  - Бегать от дела нам не годится —*
  - Крепко пришита к щеке ягодица!*
- Прочитировал он. – Фонарем светят. Ой! Я же обещал мухой! Пойду! Вы это... разыщите электрика!
- Если подвалом пошел, раньше, чем чрез час не ждите.
- Пошлите спасательный отряд! Нужен электрик! Вы чего тут, с ума сошли все? Свечки зажгли, романтики хреновы!
- Анестезиолог пошел снова в операционную.
- Милиционеры уже ему в спину пояснили:
  - Сейчас прием закончим, и будем разбираться. Сами видите – бурный поток!
- Анестезиолог первым делом пристроился за спиной медсестры, внимательно осматривает операционное поле.
- Ну, что тут у нас?
- Доктор, не упирайтесь!
- Да мне нечем! Ручки-то вот они!
- Хирург аккуратно зашивает раны, промывает перекисью, сушит. Алкаш шипит сквозь зубы. Он уже немного отрезвел. Луч фонаря дрожит на операционном поле.
- Держи ровнее! – командует хирург.
- У меня руки уже устали! – жалуется санитарка.
- Иди сюда, врач-вредитель! Бери! Держи!
- Анестезиолог нехотя отлипает от сестры и перемещается за хирурга, принимает фонарь.
- Санитарка растворяется в темноте.
- Что там с электриком? – осведомляется хирург.
- Вышел полчаса назад.
- И где он? Тут через парк идти десять минут!
- Он пошел через подвал.
- Идиот!
- Так точно – идиот, вашвыскобродь! Он сегодня первый день дежурит.
- Хирург выругался.
- Ты мне Швейка не изображай. Если б не твоя дурацкая инициатива! – хирург, перемещается к лицу алкаша. Обращается к медсестре, – давай тоненькую. Тут надо аккуратно работать. – Он вдруг приходит в ярость. – Сволочи! Дармоеды! Вы где?!
- Его крик достигает приемного отделения, и в дверном проеме в тусклом свете коридорного освещения появляется фигура одного из милиционеров.
- Анестезиолог направляет на него фонарь, как во время допроса.
- Где электрик!? – вопрошает хирург. – Немедленно разыщите этого забулдыгу!
- Мы уже звонили. Он вышел! И куда-то делся. – Оправдывается милиционер.
- Куда он мог деться? Ларьков нет поблизости! В конце концов, у вас там полная палата нетрезвых пролетариев, найдите боль-менее трезвого электрика и восстановите свет!
- Мы еще раз позвоним, – с сомнением на предложенную инициативу хирурга отозвался милиционер.
- Немедленно найдите электрика! – повторил хирург и добавил угрозу в голос. Но чем он мог угрожать конкретно, никто не знал.

Анестезиолог опустил фонарь, освещая лицо избитого пациента.

– Кто тебя так?

– Мелюзга! Сволочи! Спросили закурить, а потом денег потребовали. А получку нам задержали. Вчетвером били, гады!

– На что ж ты пил?

– Да, с друзьями хватанули по стаканчику у проходной.

– По стаканчику это немного.

– Так и я говорю, что нам с граненого? Только погреться. А они – к вам!

– Мальчишки?

– Какие мальчишки? Мусора, на луноходе... я ж на ногах, сам шел...

– Гады форменные.

Хирург перевел взгляд на больного.

– Харе трепаться. Держите свет, коллега, ибо вы больше ни на что не пригодны!

– Вот только дискриминировать не надо! – возмутился анестезиолог.

– Вот скажи, какая от тебя польза? – спросил хирург. – Без света нас оставил? Чай не завариваешь, свет толком держать не можешь! И какая?

– От меня очень большая польза... – попытался возразить анестезиолог и глубоко задумался.

– Ну, какая? – не отставал хирург. – Нет, ты скажи!

Анестезиолог поманил санитарку.

– Я вот сейчас пойду и найду электрика. Вот какая польза! Не вернусь, пока не найду!

– Вы только обещаете, доктор. – Вставила свои «пять копеек» медсестра. – А у меня уже глаза устали в сумерках иголки заряжать.

– А если найду?

– Вот если найдете, тогда ...

– Тогда что?

– Тогда светло будет.

– Ну, это не интересно. Пойдем ко мне чай пить?

– Просто чай? – медсестра равнодушно хмыкнула.

– А с чем ты хочешь? Есть коньяк!

– На работе я не пью.

– Конфетки есть.

– А какие?

– Эй! Голубки, – хирург, наложил несколько стежков. – Вы не забыли, что тут операция под фонарем идет? Ты шел куда-то, не забыл?!

– Ассорті с помадкой, со сливочной. – Анестезиолог направился к выходу.

– Эти я люблю.

Окрыленный анестезиолог улетел в приемное отделение. Он ворвался в тот самый момент, когда милиционеры сводили дебет с кредитом. Сверяли документы и принятых «клиентов».

– Ровно тридцать! – отрапортовал один.

– Двадцать девять сопроводков! – заявил другой.

– Не может быть! Я точно считал, тридцать!

– А мешков с одеждой сколько?

Один из милиционеров принялся считать мешки в особой комнатке – хранилище.

– Тридцать!

– Сверяем!?

– Сверяем.

Они несколько минут вели переключку и наконец, тот, что считал мешки, заявил:

- Вот! Под восемнадцатым номером – лишний!
- В приемное выходит анестезиолог.
- Электрик приходил?
- Милиционеры молчат. Анестезиолог поковырял оплывшую свечу, помял в пальцах воск.
- Хорошо тут у вас, как в церкви... Ну, где электрик?
- Мы его это...
- Чего?
- Оформили!
- Как оформили?
- Ну как, как? Так – раздели и на койку!
- Зачем? – анестезиолог не знал, смеяться или ругаться. – Вы охренели? Там операцию в темноте делают, а они электрика госпитализировали!
- Вот, неизвестный под номером восемнадцать.
- Как это неизвестный? Он что – без сознания?
- А я помню?
- Вынимайте его оттуда!
- Нельзя.
- Почему это нельзя? – анестезиолог уже разозлился.
- Они все ломанутся!
- Ну, хватит дурака валять! Вытаскивайте электрика!
- Под каким соусом?
- Как это, под каким? На операцию! – нашелся анестезиолог.
- А если не нужно? – усомнились милиционеры.
- Вы в больнице или где? Чтобы тут не нужно было – быть такого не может! Нет здоровых – есть не дообследованные!
- Милиционер Валера откинул засов палаты, приоткрыл дверь.
- Номер восемнадцатый, иди сюда!
- Зачем это? – раздался голос.
- Узнаешь! На операцию!
- Не пойду! Вы тут все чокнутые! Отпустите меня!
- Восемнадцатый осторожно, готовый отскочить, приблизился к двери и Валера, схватив его за руку, выдернул из палаты в приемное. Тут же захлопнул дверь. В палате поднялся гвалт.
- Ты – электрик?
- Я же вам говорил. Да я – электрик.
- Мужчина был сизый, и от него явно несло старым водочным перегаром.
- Нам сказали, что ты подвалом идешь. А ты через дверь для «скорой» вошел. Вот мы тебя и приняли за своего.
- Я похож на идиота? – электрик обиженно одевался, – меня предупредили, что в подвал соваться можно только днем, когда народу много и кто-нибудь обязательно выведет!
- Если честно, немножечко похож, – сказал анестезиолог. – Включи скорее свет!
- Электрик удалился в коридор. Раздался щелчок и вспыхнули лампы повсюду.
- Да сгинет тьма! Да будет свет! – воскликнул радостный анестезиолог и помчался в операционную, ловить медсестру, которая обещала... но ему преградил путь заштопанный алкаш из операционной в сопровождении хирурга. – Ба! Кого мы видим?! Какая вышивка! Рука мастера! Ювелир!
- Это у тебя рука мастера, – возразил хирург, – с одного тычка оставил отделение без света. Бейте его! Это он замыкание устроил!
- Анестезиолог нырком уходит в коридор.
- А они электрика госпитализировали! – раздался оттуда его вредный голос.

Хирург сдает прооперированного алкаша.

– Забирайте и... – до него доходит услышанное. – Это правда?!

– Мы случайно! – смутились милиционеры. – Тут наплыв был, да еще при свечах... не видно, кто он – пьянь или электрик!? А видок у него самый что ни есть – нашенский.

Из коридора выходит злой электрик.

– Ну, вас всех в задницу! – гневно произносит он. – Тут хватают и раздевают, там обещают, что сейчас на органы располосуют! Идите вы все!!!...

Улетевший на крыльях любви в операционную анестезиолог, застал сестру и санитарку за уборкой и подготовкой стола к следующей операции.

– Пойдем! – ухватил он за талию сестричку.

– Куда? А если сейчас новый поступит? – сестра попыталась выкрутиться из захвата.

– Позовут. – Убежденно сказал анестезиолог, – без нас не начнут!

– Это ясно. – Ну, если только на пять минуток?

– А конфетки такие сладенькие! Такие вкусенькие! – анестезиолог «ковал железо»...

В ординаторской он поставил открытую коробку с «Ассорти» и налил по кружке чая, не забыв плеснуть в него коньяка. Он не заметил коварства в глазах медсестры. Та потянула одну конфетку и, надкусив, слизывала вытекающую помадку.

– Как я люблю такие... – произнесла она с наслаждением, – с гноем!

Анестезиолог поперхнулся и изменился в лице.

– С чем?

– С гноем, доктор, Ведь очень похоже... желто-зеленый, тягучий... и шоколад как капсула абсцесса, вскрываешь с хрустом и из нее так гной вытекает... точно такой же... только пахнет по-другому. Не гнилостно.

Доктор сдержал рвотный позыв.

– Можно еще одну? – сестра потянулась за второй.

Анестезиолог торопливо придвинул ей всю коробку.

– Конечно!

– Вы тоже ешьте! – сестра ележно улыбнулась, – я бы их назвала не «Ассорти», а «Абсцессы» или «Гнойные». Согласны? Можно еще на коробке написать «Флегмона!»

– Конечно, – с трудом поговорил доктор и жестом показал, что ему надо срочно выйти.

– Не стесняйтесь, доктор, блюйте здесь, прямо в раковину. – Медсестра глумилась, уже не скрывая своих намерений отомстить за все шупанья во время операции. – Мы же все свои... смелее!

КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ

В старом отделении спецтравмы палата для травмированных алкоголиков находилась в подвале, а туда, чтобы не вести по лестнице заплетающихся ногами клиентов, и уж тем более, не тащить на носилках, сделали желоб, покрытый оцинкованным железом. И по нему уже оформленных битых пьяных отправляли прямиком в палату. Там уже разносили по койкам, желоб смачивали водичкой.

К концу восьмидесятых палату из подвала убрали, подняли на первый этаж и увеличили в объеме до тридцати коек.

Как обычно, в приемном спецтравмы работал милиционер, оформлявший травмированных граждан в алкогольном опьянении.

В вытрезвителе штраф за попадание составлял двадцать пять рублей, а в спецтравме – пятнадцать. Видимо, высокое начальство, определявшее кому сколько платить, решило, что травмированный и так пострадал, можно и скидку сделать.

Как-то так выходило, что когда бы я ни привез битого пьяного в спецтравму, всегда на стене висела табличка: «Принимает хирург Муханов».

Василий Иванович Муханов – хирург-травматолог. Лет ему за пятьдесят. Невысокого роста. В очках. Всегда в шапочке и перчатках, поверх белого халата носит клеенчатый фартук.

Муханов опытный хирург. Уже много лет работает в спецтравме.

Бывают дни, когда он принципиально не хочет принимать пьяных, если те не в сознании, встает в позу:

– Он в коме, везите в реанимацию!

Скорая об этом знает. Поэтому если при пьяном нет документов, старается изо всех сил привести в сознание. Но... Во-первых, этот мухановский бзик знают не все, а во-вторых, не всегда удается разбудить крепкоспящего.

В чем проблема?

А в том, что в реанимации тоже не дураки работают.

– Давление нормальное?

– Нормальное.

– Пульс нормальный?

– Да.

– Зрачки на свет реагируют?

– Реагируют!

– Ну, какая же это кома? Он просто пьяный. Это алкогольный наркоз!

– И куда же его?

– Везите куда хотите. Но если вот ссадины на носу – в травму или к ЛОРу!

– Муханов не берет!

– Нас это не касается! Комы у него нет.

– Напишите в сопроводке!

Муханов однажды потребовал убрать из его отделения каталку.

– Наши пациенты должны входить сами! А если не могут, то это не наши пациенты! – заявлял он.

Но начальство с ним не согласилось и каталку оставили.

Бригада помоталась между реанимацией и Мухановской вотчиной, вернулась и, закинув на каталку, неподвижное, но живое тело втокнуло ее в приемное спецтравмы.

Пока врач оформлял сопроводительный лист, милиционер ходил вокруг тела.

– Муханов не примет!

– Примет. Это не кома!

– Точно?

– Сто процентов. Крепко выпил и спит.

– А как вы определили?

Врач объяснил, как и сунул милиционеру сопроводительный с заключением реанимации, которое удалось получить с великими уговорами персонально для Муханова. Обычно реаниматологи просто отвешивали бригаде пендаль, посылая дальше.

С этим документом милиционер спорить не решился. Он нарезал круги вокруг каталки.

– Что же делать?

– Принимайте как неизвестного, – посоветовал врач скорой, – какие проблемы? Вот я опишу его одежду, личные вещи. Примите по акту и порядок!

– Нет, так нельзя. – Милиционер убежал и вернулся с большим тампоном вымоченным в нашатыре. Помахал им над лицом спящего.

Тот не отреагировал.

– Он не морщится даже, – удивился милиционер, – наверное, это все-таки кома.

– А вы другое слово знаете? – спросил врач, осматривая одежду спящего и занося ее описание в сопроводительный лист.

– Какое?

– Наркоз. Он спит. И пока спит, не будет реагировать. Он и боли не чувствует. Анестезия. Ему операцию можно делать. Ногу отрезать или руку – он и не заметит.

– Да ладно! – не поверил милиционер.

Врач заканчивал оформление.

– Вы принимайте, а то сейчас еще привезут битых, и начнется сутолока.

– Не могу я его принимать, меня доктор ругать будет!

– Детский сад какой-то! Подпишите карту!

– Не буду. Вот придет Муханов, он и подпишет. Я не имею права!

Врач начинает сердиться.

– Сделали хрен знает что. Приказ – чтобы в приемном врач непременно в карте расписался о приеме больного! Как раньше хорошо было: закатил, сопроводок в ноздрю вставил и гуд бай!

– Это вы хорошо придумали! Я про ноздрю!

Милиционер ушел и вернулся с перышком от подушки. Принялся щекотать им спящему кончик носа и водить в ноздре. Тот не шелохнулся!

– Ничего себе! От этого все просыпаются!

Ввалились разом две бригады. Каждая привезла пьяного.

– Принимайте!

– Дождался!? – воскликнул врач скорой.

– Известные? – ревниво спросил милиционер.

– Известные и с деньгами! Можно сразу штраф оформить!

– Это хорошо! Сопроводки сюда. – Милиционер приготовил мешки и принялся раздевать прибывших битых пьяных.

– Кто принимает?

– Муханов! Но он сейчас шьет больного, выйдет и всем карты подпишет!

Пьяные с различными травмами послушно раздеваются. Видимо уже бывали в спецтравме.

Милиционер упаковывает вещи и одного пьяного, который сам не может ничего сделать, раздевает быстро и ловко.

– Доктор! Вы своего разбудите! – посоветовал он, утаскивая пьяного уже в одних трусах за ноги в палату.

– Правильно тащит, – сказал один из скоропомощников, – если б за руку тащил, трусы бы слетели, а так только до подмышек задрались!

– Специалист! – согласился второй. – А у вас что? Кома?

– Никакая не кома! Обычный спящий! Выспится и проснется.

– Надо разбудить. – скоропомощники-добровольцы приступили к спящему, – пока Муханов не пришел.

– Его перышком милиционер будил, не помогло!

Скорпомощники передернулись.

– Вот сажуга! Гестаповец. Разве можно перышком?!

– Это нарушение гаагской конвенции! Лучше бы он раскаленный шампур взял! Не так жестоко. И ожоговое тут есть, опять же.

Один принялся крутить нос спящему. Тот не реагировал.

Второй стащил шапку с головы спящего и, вылив в нее немного нашатыря из флакончика из-под глазных капель, положил шапку пьяному на лицо.

– «Красная шапочка», если задержается – значит, не спит, а притворяется.

Спящий не шевелится.

Врач скорой помощи беспокойно заерзал за столом.

– Вы своих пациентов мучайте, а то мне этого реально в реанимацию везти придется!

Медики отходят от каталки со спящим. Один сдергивает шапку с лица спящего и рассматривает его. С уголка глаза того стекла скупая мужская слеза.

– Не взяла «красная шапочка»! Может быть, ему четыре куба кордиамина в вену загнать? Прочихается и проснется!

– Поздно, – возразил врач скорой, – если Муханов узнает, точно в реанимацию пошлет. Надо было еще в машине, да я не сообразил. Сейчас поздно.

В приемное входит полуголый мужчина, на нем кроме треников и тапочек-шлепанцев ничего. Во лбу мужчины торчит огромный нож, из тех какими капусту рубят пополам и вырезают кочерыжку на овощной базе. Нож располагается точно вертикально, так что ручка висит перед носом, отчего мужчина смотрит то одним глазом на всех, то другим, а лезвие устремлено точно вверх. Лицо его и грудь залиты уже засохшей и частично размазанной кровью.

Все, кто находился в приемном, замолчали и устали на вошедшего. Следом за чудным дядькой вошел парень в черной шинели с нашивкой «СМП» и шапке с такой же кокардой.

– Я думал, этой формы уже не сохранилось. – Произнес врач скорой.

– А чего ж его не в нейрохирургию? – осведомился кто-то из скоропомощников. Это же черепная травма.

– Черепная не мозговая, – возразил парень в шинели, – ножик в лобной кости застрял. Я не стал вынимать.

– Почему?

Парень не ответил.

– А я бы тоже не стал, – заявил второй скоропомощник, – вот привез бы он его без ножика, и никто бы из нас не увидел такой уникальной картинки.

– Дело проще. – Нехотя пояснил вновь прибывший, – Во-вторых, когда я его из УВД забирал, кровь уже остановилась. Выдерни нож – опять пойдет. Ну, а во-первых – это красиво! Только ему пришлось на полу в машине сидеть, чтобы обивку салона не изрезать своим рогом.

Парень в шинели усадил мужика с ножиком на банкетку.

– Посиди тут.

– Может быть, достанете ножик из головы? – с надеждой в голосе спросил мужик.

– Сперва надо рентген сделать, а если там насквозь? Ножик пока дырку закрывает. Вот придет доктор и вынет из тебя ножик, а пока жди, сиди.

На несколько минут о спящем забыли, но тут он шумно всхрапнул и все вновь обратили на него внимание.

– Как сладко спит! – подошел к спящему парень в черной шинели.

– И я говорю, что он спит. Принимайте, и я поехал! – возбужденно обрадовался доктор скорой. – Вам уже двое подтвердили, что он просто спит.

– А если он спит, – возразил милиционер, – то почему не просыпается? Мы же его будили.

– Откуда я знаю, почему? Организм у него такой. Напился и спит. – Пожал плечами доктор.

– За ухом есть болевая точка, – сказал парень в шинели, – если нажать, он проснется.

– Жми! – скомандовал милиционер. – Я хочу знать его фамилию, имя отчество и место жительства. А без этого принять не могу. Вот скажет, и сразу отпущу!

– Мы то своих привезли, известных, – обрадовались скопомощники, – подписывай!

Парень в шинели жмет на точки за ушами у спящего, тот не реагирует.

– Чего-то не получается! А если сосок ему прищемить?

Милиционер расстегивает на спящем рубашку и, обнажив его грудь, приглашает инициатора продемонстрировать искусство пробуждения.

– Прищепи!

– Ребята! – подал голос мужик на банкетке, – Ну достаньте ножик, надоело уже!

– Подпишите нам карточки! – орут уже хором скоромощники, сдавшие своих нетрезвых клиентов.

– Сейчас доктор скоро придет, – отнекивается милиционер. – Вы лучше помогите этого разбудить!

На спящего наваливаются все работники скорой вместе с милиционером и кто жмет, кто щипает, кто нос крутит и нашатырем машет перед лицом. Спящий не реагирует. Он вдруг глубоко вздыхает и выдыхает ртом, по приемнику разносится запах страшного выхлопа, от которого медиков отшвыривает к стенам.

Пока они решаются снова подойти, спящий поворачивается на каталке на бок, укладывает сложенные ладони под щеку и продолжает спать.

– Вот, – говорит доктор скорой, – это доказывает, что он просто спит!

– А если его шмякнуть на пол? Проснется?

– Не думаю.

Медики подступают к спящему в надежде, что его выдох это реакция на их старания и опять принимаются давить, крутить и вонять.

Мужчина с ножом в голове одним глазом наблюдает за проблемами медиков. Он уже подумал, что может и к лучшему, что ножик не достают? Ну их...

В приемном появляется Муханов. Он стоит на пороге и наблюдает:

– Вы похожи на зомби, которые жрут живого... – проговорил он. – Что тут происходит?

– Вот и доктор пришел, – радостно объявляет милиционер и, подбежав, виляет задом, как собака, – вот он привез этого, а он спит, и мы его так и смяк, а он не просыпается! Я говорю – кома? Они говорят – нет. А он все равно не просыпается.

Муханов жестом отгоняет волонтеров от спящего. Он смотрит в глаза, считает пульс, повторяет все те же приемы, что до него использовали сотрудники скорой и вдруг его взгляд падает на сидящего с ножом в голове мужчину.

– Это еще что?

Парень в черной шинели объясняет:

– Это его жена так. Он чего-то ей сказал, а она как раз капусту рубила, солить. Она ему как жхнет по лбу, а ножик и застрял.

– Ну, а к нам то зачем? – Муханов теряет интерес к мужчине.

– Так он же пьяный, его в обычном не берут, говорят, сначала к вам, а вы сами решите, куда его дальше.

– Он не только пьяный, но и голый, если не заметили, то на дворе ноябрь. – Ворчит Муханов.

– Доктор, достаньте ножик из головы, надоело уже, – подает голос мужчина с банкетки. Муханов собрался.

– Так кто раньше приехал?

Милиционер показывает на спящего.

– Этот.

– Сперва его разбудим. – говорит Муханов и уходит.

Возвращается через пару пинут и катит за собой на столике огромный железный ящик с электродами.

– Сними ему ботинки и носки, – говорит он милиционеру. Тот послушно выполняет приказание.

Медики, увидав ящик, отодвигаются к стенкам. Включив ящик в розетку, доктор нажимает кнопку «заряд» и следит за стрелкой.

– Думаю, трех ему хватит. – Он прикладывает электроды к пяткам спящего и приказывает милиционеру: – Нажми красную кнопку.

Кто-то из медиков судорожно перекрестился.

Удар, треск! Муханов бросает электроды.

Спящего подкидывает на каталке, он садится и совершенно безумными глазами осматривает помещение.

Муханов резко спрашивает:

– Фамилия, имя, отчество!? Где живешь? Сколько лет?

Проснувшийся рапортует:

– Ломов Сергей Иванович, сорок три, в Лоб... – он валится на кушетку, и засыпает снова.

– Кому в лоб? – возмущается милиционер, но врач скорой поясняет:

– в Лобне он живет.

Муханов возбуждён.

– Гады, все за вас делать нужно! – Он протягивает руку к сидящему на банкетке и ухватив ножик за рукоятку, резким движением выдергивает его из раны, – ножик сами вынуть не можете! Рукожопые вы!

Пьяный на банкетке охает от неожиданности.

– Марш в перевязочную! – орет Муханов, и поворачиваясь к скорпомощникам с ножом в руке, тем же тоном: – Ну! Кому тут карты надо подписать?!

Милиционер хватает бледного мужичка и тащит его в перевязочную, медики протягивают карты на подпись.

В приемное вбегает новая бригада скорой.

– Каталка есть?

– Что там, – спрашивает Муханов, – Кома?

– Нет, просто спит! – отвечает бригада.

Муханов жестом приказывает медикам сгрузить с каталки бывшего неизвестного спящего на пол. Он смотрит на старый дефибриллятор, стоящий посреди приемного.

– Не буду убирать пока. Завозите!

ВОЯЖ, ВОЯЖ...

Сашка Абаев вернулся на подстанцию после армии, быстро восстановил потерянный за два года вес, и добавил к своей комплекции еще примерно столько же.

Он терпеть не мог мотаться по вызовам, но обожал посидеть в диспетчерской, в тепле и сухости, попивать чаёк, покрикивать на выездных медиков через селектор: " Бригада номер... не задерживайте вызов!», или постукивать микрофоном по столу, дожидаясь, пока прогреется старенький ламповый усилитель УМ-50, отчего по всей подстанции разносился грохот, будто по крыше здания кто-то лупит железными листами, а потом нарочно противным гавкающим голосом выкрикивал медиков на вызов.

Однако, все хорошее когда-нибудь кончается, этим оно и хуже плохого, которое как началось – так и тянется. Колыхаясь жирным телом, Абаев занял место в кабине самого теплого РАФа, потому что ему пришлось на грипп сесть на выездную бригаду. Одному.

– Ничего, переживем... – уговаривал себя Сашка. – Жизнь полосата, эпидемия пройдет, и я снова вернусь в диспетчерскую.

Февральской морозной ночью, сдав очередного «пса» (пьяницу с ушибами) в спецтравме, Абаев выкатился на бульвар недалеко от больницы. Его отпустили на подстанцию.

Мела позёмка, подмораживало, одинокие пешеходы и автомобили скользили на едва прикрытом снежком льду. Если бы Сашка помнил поэму Александра Блока «Двенадцать», ему бы вспомнилось «метет снежок, а под снежком – ледок...», однако Блок уже был также далек, как вся школа с ее тревогами и проблемами.

Пережили и забыли.

У автобусной остановки лежало слегка прикрытое снежком тело однозначно мужского пола. Водитель притормозил и оглянулся на Сашку.

– Подберем? Замерзнет ведь, бедолага...

– Придется, – вздохнул Сашка, – Тормози.

Остановились, осмотрели...

Еще теплый нетрезвый организм втянул ноздрями морозный воздух, сложил губы в трубочку, почмокал и всхрипнул.

– Уй, ты мой сладкий! Мало тебе? Это ж надо так ужраться... Давай, за конечности и на плацкарту, на нижнюю... – сказал Абаев водителю. Они взяли тело за руки-за ноги, и попытались с размаху забросить на пол в салон РАФа, но что-то не пустило. Пальто приклеилось к тротуару.

– Жопой примерз к асфальту, – сказал водитель, – видно, давно уже лежит. Штаны и пальто во льду..

– А монтировка есть? Попробуем отколоть. Или топор лучше.

– Откуда топор? А монтировкой отдерем сейчас.

Они повозились и закинули тело в салон, отдельно пальто со льдом, и там Абаев принялся рассматривать пьяного найденыша.

Ну, хоть бы синячок! Или ссадину свежую... или ребро сломанное.

Ничего. Девственный алкаш.

Упит до безобразия, но ни единой царапины.

Водитель с надеждой спросил:

– Может так его закинем в спецуху? А они ему сами (синяков) навешают.

– Ни хрена они ему не сделают, «луноход» вызовут. А нам вот навешают потом. За необоснованную госпитализацию!

Муханов – собака, сразу телегу настрочит, что привезли не по показаниям.

– Ну, ты представляешь, гнать черт те куда? Спецуха вот она, за углом, а вытрезвитель семь верст киселя хлебать! Час по морозцу трюхать не меньше. Придумай чего-нибудь.

– Да чего придумать? Он даже не обморожен! – Сашка в отчаянии еще раз осмотрел пьяного, ощупал. – Штаны только примерзли, а кожу на жопе даже не подморозило. Да ну его к черту!

Сашка погрозил пьяному кулаком.

– Сейчас я ему сделаю! – он снял полуботинок с ноги пьяницы и, держа за мысок, каблуком несколько раз саданул ему по роже. Ничего. Что по дереву, что по упитой морде. Они подождали, в тоске разглядывая мирно спящего пьяницу.

– Ну, я не знаю. Его ничего не берет. А дать сильнее рука не поднимается., – Сашка каблуком выбил еще раз барабанную дробь на лбу и щеках подобранного тела.

– Ну что ж, поехали. – Водитель захлопнул дверь салона.

Они с Сашкой задраили окошко в салон, чтобы перегарная вонь смешанная с запахами мочи и дерьма не лезла в кабину.

Включили громче радио и поехали в вытрезвитель, по пути развлекая друг друга анекдотами.

Через час рафик въехал во двор районного спецмедучреждения.

Водитель включил свет в салоне, а Сашка вытянул пьяного из-под кресел на свет. На лбу и щеках его ясно отпечатались багровые каблуки.

Абаев с водителем удрученно смотрели на приговор возвращаться туда, откуда приехали. Вытрезвитель теперь его точно не возьмет!

– Но, почему? Откуда они? – водитель не понимал.

– Оттаял, пес, – сказал Сашка, – вот они и проявились в тепле. Теперь его здесь не возьмут. Поехали обратно в спецтравму. У него будто чечетку отбивали на роже!

– Козел! – непонятно кому сказал водитель.

Еще один час прошел в мрачном молчании. По заявкам радиослушателей передавали французскую песню Дизаэрлис «Вояж, вояж».

ШАМАНЫ

(из детектива Смертельный вызов»)

В «лихие» девяностые все крутились, как могли, чтобы как-то заработать. Сотрудники «скорой» – не исключение. Кто договаривался с хроническими больными ходить, уколы делать. Особенно внутривенные пользовались большим спросом, потому что поликлинические сестры обычно не умели. Кто запойных пьяниц капельницами лечил – выводил из запоя.

Фельдшер Люся Шкрёбо, подрабатывавшая некоторое время в наркодиспансере, занялась кодированием алкоголиков с помощью серьезного препарата, который обычно использовали в анестезиологии во время операций. Препарат этот на пять минут блокирует всю мышечную работу, включая дыхание. Хирургам это свойство нужно, чтобы во время операции не возникало гальванического эффекта и обнаженные мышечные волокна от прикосновений металла не дергались.

Наркологи же разработали методику, которую называли «кодированием» с помощью... вот тут мнение специалистов разошлось, потому что начинается полнейшая импровизация и каждый «дует» свое, чем заковыристей будет сочинение о чудодейственном импортном и очень дорогом препарате – тем эффективнее окажется лечение алкоголика.

На самом деле Люся препарат доставала в реанимационных отделениях за бутылку коньяка или коробку конфет.

Препарат Люсей переименовывался в швейцарский «Прохиба бибитор», что с латинского переводится как «стой, алкоголик!», и теперь самым главным было убедить клиента в безотказности лечения.

В диспансере и наркологических клиниках для этого разыгрывается целый спектакль с «профессорским» осмотром, важными консилиумами и непременно присутствием анестезиолога-реаниматолога во время процедуры.

Люся эту интермедию называла шаманством и усмехалась – «Разве что в бубен не колотят!». Но сама этим же занялась, когда решила исправить ошибку природы.

«Ошибка природы» Люся называла себя, потому что, имея идеальную фигуру, она от Создателя, словно в насмешку, получила совершенно обезьянье лицо с оттопыренными ушами.

Это порождало в ее душе острейший когнитивный диссонанс и даже мысли о самоубийстве, которые жизнерадостная Люся мужественно отгоняла. Она решила бороться. В «Институте красоты» ее осмотрел пластический хирург и объявил – за все придется заплатить пятьдесят тысяч долларов.

Именно это толкнуло Люсю перестать иронизировать в адрес наркологов и лично взяться за «шаманство», потому что с каждой процедуры, на двоих с напарником она рассчитывала получить не меньше трех тысяч заветных зеленых американских денег.

Из этой суммы она планировала две тысячи брать себе, одну отдавать напарнику.

Однако, с напарником дело обстояло плохо – точнее никак. Найти доверенного человека в эпоху «всеобщего одурения», как назвала «победивший капитализм» в России Люся, оказалось нелегко. Всем хотелось делить выручку пополам, а не один к двум. Банальная алчность встала поперек Люсиных планов.

И вот на подстанции появляется фельдшер Иван Тупицин, которого заведующий определяет в бригаду к Люсе.

Скромный и правильный комсомолец, тоже пребывающий в когнитивном диссонансе от гибели СССР и непонимании, как дальше жить, Иван, Люсе очень понравился. Он вообще нравился девчонкам. Одной сокурснице в медучилище даже удалось Ивана на себе женить.

Иван – человек ответственный и патологически верный. На подстанции к нему относились как сказочному дурачку, который обаятельный, талантливый и добрый везунчик.

Не сдвинуться умом Ивану помогало чувство юмора и секретная работа на Московский уголовный розыск в качестве внештатного агента, поэтому роль «дурочка» подходила идеально. Но Люся, конечно, об этом не знала.

Она достала пачку заветного лекарства, уговорила Ивана играть роль светила наркологии, каждый раз гримируя его и придавая солидности тридцатипятилетнего специалиста, сама же превращалась в ассистентку «профессора» и анестезиолога.

На подстанции они договорись, одолжили необходимые приборы и «шаманство» началось. После пяти процедур, ощущая хруст заветных долларов в кармана, Люся помчалась в «институт красоты» делать уши, чтобы не торчали локаторами как у шимпанзе.

Все шло отлично, пока Ивану вдруг не дали вызов на один из тех адресов, где они кодировали алкоголика две недели назад.

Люся объяснила Ивану, что ей туда никак нельзя идти, ее узнают, а он был в гриме, поэтому клиент никак не сопоставит солидного пузатого дядьку в белоснежном халате, очках и галстук с помятым и уставшим двадцатилетним Иваном.

Что случилось там? Бабушке плохо? Жене?

Иван прочитал повод к вызову на карте: «Мужчина 42 года, плохо с сердцем». Значит, сам их клиент вдруг, как говорят на скорой, заплочел.

А что если он выпил? Вот нельзя же, он знает. Шаманство создает мощный барьер страха перед алкоголем. Страх смерти. Но иногда этот барьер удается проломить. Коварными «минами» оказываются конфетки с ликером или коньяком. Тут уж ничего не поделаешь.

Однако страх умереть, выпив даже четверть стакана водки так силен, что некоторые «клинические идиоты», как говорила Люся, выпив – реально умирали. Потому что верили в это. Ждали. И вера в неминуемую смерть была тем сильнее, чем убедительнее «шаманили» медики.

«Каждый вызов должен быть выполнен!», гласит плакат над входом на подстанцию.

Лифта в доме нет, и Иван запарился, поднимаясь по лестнице.

В коридоре бросил сумки, сам пошел к «больному». Кроме дядьки, которого они с Люсей «кодировали», в квартире сидели еще два дружка.

На накрытом столе стоят две бутылки с водкой, налитые стаканы заботливо прикрыты блюдцами.

«Соображают на троих, – понял Иван, – но кодированный боится пить, а собутыльникам не удалось разубедить его, раскодировать. Сильно мы его напугали. Значит, Люся права – страх очень важный мотиватор. Дядька решил „скорую“ вызвать заранее, чтобы его спасли, если помирать начнет, после того как выпьет стакан водки. И ведь не решился проверять! Надо будет Люсе рассказать, что мы настоящие молодцы, крепко кодируем».

Стараясь не сболтнуть лишнего, Иван принялся выяснять причину вызова. Дядьки наперебой стали объяснять, что этот их дружок, закодировался на год. А теперь вот мучается, выпить то хочется! Но он очень боится. Может ли доктор подстраховать их, пока закодированный будет пить и, может быть, начнет помирать?

Иван сохранял серьезность. Он старался не думать о том, как дебильно выглядит вся ситуация, но подыгрывал собутыльникам. Все-таки в логике им не откажешь. Пить страшно, а выпить хочется.

– А зачем так нужно выпить? – спросил Иван, измеряя давление, слушая у «закодированного» сердце. – Вы же, как я понял, немалые деньги заплатили за процедуру. Какой тогда смысл в кодировании? Я не понимаю.

Дядька его не узнал. А Иван решил проверить, как они выглядят со стороны?

– Я не думал, что будет так тяжело сдерживаться, – признался «больной». – Вы ведь меня спасете?

– Вы с ума сошли? – удивился искренне Иван. – Кто вас кодировал? Сейчас много мошенников. – Он не торопился, разматывал провода ЭКП, чтобы снять ЭКГ и этим частично оправдать длительное время вызова.

– Нет, это серьезные люди, – дядька смотрел, не отрываясь, на стакан с водкой, дружки его нетерпеливо ходили по комнате, но держались, не пили. – Настоящие наркологи. Там мужчина солидный такой и дамочка высокая, грудастая с губами, как присоски у осьминога. Они все очень правильно сделали. Но я не думал, что мне будет так хреново. Выпить то хочется все равно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.